

Дж. ТАРДЖЕМАНОВ

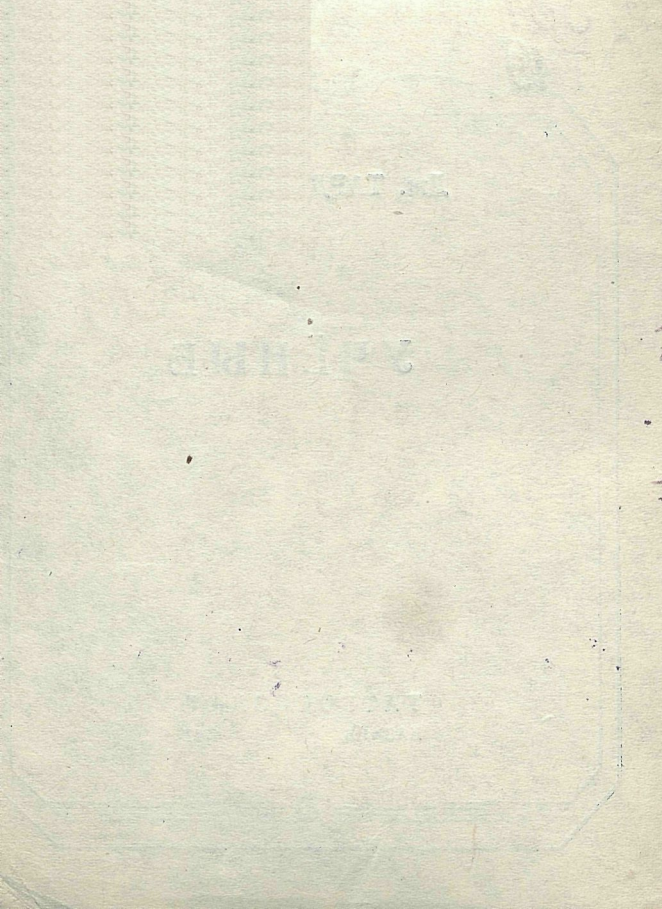
У Ч Ё Н Ы Е

ТАТГОСИЗДАТ

КАЗАНЬ

1947

Дж. ТАРДЖЕМАНОВ

У Ч Ё Н Ы Е

ОЧЕРК

ТАТГОСИЗДАТ
СЕКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАЗАНЬ 1947

УЧЁНЫЕ

(Очерк)

Только что прошел легкий летний дождь. Мягко шелестя по влажному асфальту, у подъезда Казанского химико-технологического института останавливается голубой автобус. Оттуда быстро выскакивают юноши и девушки — выпускники средней школы. Их встречает молодой научный сотрудник института Джаудат Тарзи. Добрая половина гостей — его старые знакомые из той же школы, которую он сам окончил.

Джаудат пригласил молодежь войти. По широкой мраморной лестнице все поднялись на второй этаж. Взорам предстала фигура юноши с книгами в руках — скульптурное изображение молодого Сталина в его ученические годы.

Вот круглый зал с кафедрой посередине. Это одна из самых больших аудиторий института, оборудованная по последнему слову техники. На длинном столе — множество аппаратов, приборов, стеклянная посуда, колбы, пробирки. На переднем плане висит таблица периодической системы Менделеева. Со стен смотрят портреты великих химиков — Ломоносова, Зинина, Бутлерова, Лавуазье, Дальтона, Клод Луи Бертолле.

Это аудитория кафедры органической химии, которой руководит один из организаторов института, дважды лауреат Сталинской премии академик А. Е. Арбузов.

— Сегодня я хочу познакомить вас с одним из видных ученых из школы Арбузова, первым татарским профессором, доктором химических наук — орденоносцем Гылем Камаем, — сказал Джаудат, нарушив торжественную тишину.

Профессор Камай, высокий, широкоплечий, с открытым лицом, встретил гостей приветливо, расспрашивал, как

они закончили среднюю школу, каковы их дальнейшие планы.

После беседы с профессором Камаем молодежь разделилась на две группы. Одни направились на осмотр технологического факультета, другие — во главе с Джаудатом — инженерно-механического факультета.

По дороге Джаудат рассказывал своим гостям:

— Представьте себе широкую полноводную Волгу. — Сверху и снизу беспрерывно идут по ней пароходы, буксиры, тянущие баржи или длинные плоты. В воздухе парят чайки. Где-то на вершине горы утопает в зелени городок Тетюши. Около 50 лет тому назад здесь в семье грузчика родился мальчик. Его отец обрадовался рождению будущего помощника, но едва мальчику минуло 8 лет, умер, не оставив ему в наследство ничего, кроме широких плеч и крепкой спины. Мальчик должен был сам заботиться о себе. Кучер Василий, прославившийся в округе своей алчностью и жестокостью, взял его к себе

в помощники за 75 копеек в месяц. Не выдержав изнурительного труда, мальчик убежал. От ветров и холода он прятался в пещерах и ямах тетюшской горы. Суровая жизнь его закалила, плечи крепи день ото дня. Кормился он на те гроши, которые зарабатывал, переноса с пристани в город грузы и багаж пассажиров. Внимание мальчика привлекают таинственные значки на бортах пароходов — буквы. Ему казалось удивительным, что по этим значкам люди узнают название пароходов. Вскоре он решил научиться читать и писать. Служащие пристани показали мальчику первые буквы. Прочитав что-нибудь, он заучивал это наизусть, стал покупать книги.

Однажды на лесной поляне его застала за чтением сельская учительница Малыгина. Заинтересовавшись мальчиком, она пригласила его к себе домой. Он зачитывается стихами Пушкина и Лермонтова. Страсть к чтению разгоралась с каждым днем. Малыгина устроила мальчика в русско-татарскую

Профессор Камай Г. Х.

школу, где он учился так же старательно и упрямо, как раньше поднимал тяжелые грузы на вершину тетюшской горы.

— Кто же это, Джаудат? Кто это?

— Погодите. Не торопитесь. Вообразите себе большой, ослепительно белый пароход. По палубе 4 класса прохаживается широкоплечий юноша с крупным обветренным лицом и повторяет стихи татарского поэта Тукая:

„Запряг я тройку с колокольчиком
И помчался прямо в Казань...“

Был ли кто на пароходе счастливее? В кармане у него 10 рублей, заработанные на строительстве моста через Волгу под Симбирском, в дорожном мешке — томики Пушкина и Тукая, а в голове — радужные мечты о том, что он поступает учиться в Казанскую учительскую школу...

Начинаются трудные, но незабываемые студенческие годы. Способный юноша отлично заканчивает школу и подумывает об университете. Но для бедняка недоступно высшее образова-

ние, и он уезжает в татарскую школу учить детей. Однако зима прошла в таких тяжелых материальных условиях, что юноша снова вернулся к профессии грузчика.

Страсть к знаниям пробудила в нем Великая Октябрьская социалистическая революция. Энергичный, наделенный богатым воображением юноша поступает в Томский государственный университет...

А теперь представьте себе огромный зал, где сидят ученые, собравшиеся со всех концов земного шара, говорящие на разных языках. 1923 год. Идет V менделеевский съезд. На трибуну поднимается широкоплечий, хорошо одетый молодой человек. Он делает научный доклад на тему „Соединения фосфора“ на русском и английском языках. Иностранные делегаты предполагают, что это сын какого-нибудь старого русского богача, только изменивший фамилию! Но молодой человек заканчивает свой доклад:

— Я — татарин. До революции был грузчиком. Советское правительство и

наша партия вывели меня в люди, открыли дорогу к науке. Да здравствует страна Советов!

...После съезда он в течение целого года в заграничной научной командировке, знакомится с крупнейшими химическими заводами Европы. В 1931 году он—профессор, зав. кафедрой, в 1935—37 гг.—ректор Казанского государственного университета, в 1941 г.—доктор химических наук. В 1942 году получает орден за особые заслуги в открытии и внедрении нового сырья для оборонной промышленности. В 1944 г. ему присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники Татарской АССР. Затем он становится учёным секретарем Казанского филиала Академии Наук СССР. Человек этот—Гылем Камай...—закончил Джаудат.

* * *

На третьем этаже гости подошли к большой дубовой двери с надписью под стеклом: „Кафедра теоретической механики“.

В аудитории группа молодежи беседовала с профессором Муштари.

— Наши ученые должны быть высококультурными, глубоко знающими свое дело, активно участвовать в общественной жизни,—продолжал беседу профессор.— В стенах института мы имеем возможность дать вам лишь наиболее важные знания. Поэтому надо с юных лет воспитывать в себе способность работать самостоятельно. После того, как вы окончательно выберете профессию, нужно наметить одну область науки и работать над ней, не разбрасываясь, последовательно, до конца.

... Отец профессора Муштари был видным татарским педагогом. Маленький Хамит с детства отличался любознательностью. Высшее образование юноша Хамит получил в Ташкентском государственном университете. Одновременно он преподавал в татарских школах города Ташкента.

По окончании университета Хамит возвращается в Татарию и занимается педагогической деятельностью в дерев-

не, затем в Казани, является сотрудником в Ученом Совете при народном комиссариате просвещения и ответственным секретарем журнала „Магариф“ („Просвещение“). Затем Муштари проходит аспирантуру при Московском государственном университете под руководством знаменитого русского ученого — академика Чаплыгина. К этим годам относится первый научный труд Муштари — учебник алгебры на татарском языке. Он составляет учебник по физике, редактирует учебники по математике и физике для крестьянской молодежи, сотрудничает в журнале „Новая школа“. В 1930 г. по приглашению Казанского педагогического института доцент Муштари возвращается в Казань и целиком отдается научно-исследовательской работе. Печатается на русском и татарском языках, в Москве и Казани. Его труды по теории эластичности и теории прочности фюзеляжа и крыла самолета являются серьезным вкладом в развитие советской авиации.

Профессор Муштари Х. М,

Таков жизненный путь профессора, доктора технических наук Хамита Муштари, руководителя кафедр Казанского химико-технологического и авиационного институтов, директора Физико-технического института Казанского филиала Академии Наук СССР, заслуженного деятеля науки и техники Татарской республики.

Наступал вечер. Собрание, посвященное встрече выпускников школы с институтом, должно состояться в актовом зале первого здания. Гости вышли на улицу и направились туда. Один юноша шутливо заметил:

— Вам, девушкам, профессия инженера совершенно не подходит. Как же вы сможете воспитывать детей, если весь день будете заняты на заводе или на научно-исследовательской работе?

— Извините, юноша, — сказал Джаудат, — но в нашем институте среди ученых имеется большое количество

женщин, которые успевают делать все. Если это вас интересует...

Девушки заговорили, как один человек:

— Расскажите, расскажите, если можно...

— Та, о которой я хочу вам рассказать, еще очень молода. Она родилась после Октябрьской революции. В детстве отличалась исключительными способностями и сама не заметила, как окончила семилетку. Ей хотелось учиться дальше, но в деревне „Казаклар“ не было средней школы. Как быть дальше? Получив разрешение родителей, девушка уезжает на учебу в Казань. Однако в городе её не принимают ни в одно учебное заведение. „Ты слишком молода“, — говорят ей повсюду. Наконец, её зачисляют в число студентов Казанского химико-технологического техникума.

Здесь ярко проявляются её замечательные способности. Девушку переводят со второго курса техникума на второй курс химико-технологического института. Весной 1935 года она с отличием

оканчивает институт. После двухгодичной заводской практики её принимают в аспирантуру. В 1941 году она защищает диссертацию и первая среди татарок получает звание кандидата химических наук. Ей предоставлена Сталинская докторская стипендия.

— Кто же это? — наперебой спрашивают гости.

— Если хотите, я познакомлю вас. Она, наверное, в своем кабинете. Идемте, — пригласил их Джаудат.

Они вошли в комнату, уставленную химической аппаратурой. За большим дубовым столом сидела с книгой молодая светловолосая женщина с серо-зелеными глазами.

— Добро пожаловать, дорогие гости, — сказала она приветливо. — Вы, надеюсь, будете не только нашими гостями, но и нашими студентами.

Представляя её гостям, Джаудат сказал:

— Ну, вот, вы и познакомились с доцентом Фирдаус ханум Уразаевой.

Один из гостей сказал:

— Простите, что мы побеспокоили вас и оторвали от работы.

— Ничего, ничего. Я просматривала английские научные журналы.

Одна из девушек тихонько спросила у Джаудата:

— Почему вы обращаетесь к ней „Фирдаус ханум?“ Так говорят только пожилым женщинам.

— У неё уже два сына, — улыбнулся Джаудат.

Девушка несмело обратилась к Уразаевой:

— Фирдаус апа, как растут ваши дети? Не мешают ли они вам в научно-исследовательской работе?

— Они для меня очень большая радость. Старшему Абреку — 11 лет. Он отличник, окончил четвертый класс и одновременно занимается в музыкальной школе по скрипичному классу. Младший Аскар — не хочет отставать от брата и ходит в музыкальную школу по классу фортепиано.

— Над какой проблемой вы работаете?

— В настоящее время я занимаюсь

вопросом изыскания нового сырья для химической промышленности и готовлю докторскую диссертацию. Не хочется отставать и от общественной работы. Я являюсь агитатором в нашей парт-организации и зав. культмассовым сектором в месткоме.

Джаудат посмотрел на юношу, который пренебрежительно говорил о девушках: у того от стыда покраснели даже уши.

Пожелав доценту Уразаевой дальнейших успехов, гости направились в актовый зал. По пути к ним присоединилась группа молодежи, которая осматривала технологический факультет.

* * *

Взоры гостей обращены на президиум. Там сидят академик орденосец Арбузов, заслуженные деятели науки и техники профессора Камай, Герасимов, Муштари, Труфанов, Пауткин и другие.

К трибуне подошел темноволосый человек средних лет. Гимнастерка ловко охватывала его сильное тело, от него веяло спокойствием, волей. На груди — несколько планок орденов и медалей. Одернув гимнастерку, мужчина оглядел зал. Присутствующие встретили шумными аплодисментами участника Отечественной войны, прошедшего вместе с Советской Армией, её славный боевой путь.

Председатель поднятой рукой установил тишину и произнес:

— Слово предоставляется руководителю технологической кафедры, кандидату технических наук, доценту Гумеру Валеевичу Тагирову.

После еще более бурных рукоплесканий Тагиров начал свое выступление:

— Товарищи! Недавно довелось мне прочесть в одном из заграничных журналов, я бы сказал, очень интересную статью. Она была помещена в разделе „головокружительных“, „весьма редких биографий“ замечательных людей. Статья так и озаглавлена: „Вот с кого

возьмите пример". Она рассказывает о жизни одного миллионера. Вначале этот человек был... простым карманщиком. Да, да, карманщиком. Затем открыл маленькую лавчонку и сделал хороший „бизнес". После этого, благодаря своей предприимчивости, он разбогател настолько, что занялся изданием газет и журналов. В конце концов, на этом деле он нажил миллионы. Действительно, биография „головокружительная".

Моя автобиография не такая уж „головокружительная", как у этого миллионера. Она такая же простая, как и у выступавших до меня, она такая же обычная, как и ваша, дорогие товарищи, ибо наши биографии — это биография всей нашей Родины.

Аудитория покрыла эти слова аплодисментами. Едва воцарилась тишина, Тагиров продолжал:

— Как случилось, что я в прошлом беспризорный сирота, чистильщик сапог, сегодня стал советским ученым, депутатом народа? Как я достиг этого?

Быть может, моя жизнь все же, „необычная“?

Заграничный журнал, о котором я упоминал, называет своего миллионера „вышедшим из народа“. Я думаю, что было бы правильнее назвать его „изгнанным из народа“. Вы, безусловно, согласитесь со мной. Теперь обо мне. Я никогда не думал и не хотел отделяться от своего народа. Я рос вместе с ним, перенес войну вместе с ним, а теперь строю мирную жизнь опять вместе с ним. Великая Октябрьская революция всем нам дала возможность зажить полноправной, кипучей жизнью. Мы все, фактически родились только в 1917 году и стали полноправными гражданами своей земли, ибо неужели можно называть полноправным человеком того, кто из-за куска хлеба с утра до ночи гнет спину и не является хозяином своей жизни.

Мой отец не увидел светлых дней. Он умер в 1916 году.

С десятилетнего возраста я был предоставлен самому себе. Детство мое

прошло при капитализме. Я чистил сапоги, торговал газетами, папиросами, крича весь день до хрипоты. Теперь мне кажется, что я походил на растение, запертое в темной комнате. Вдруг чьи-то сильные руки разрушили стены и под теплыми, живительными лучами солнца я переродился, стал расти по-новому. Тут я увидел, что и „жизнь хороша, и жить хорошо“. Советская власть открыла мне свои объятия, не только мне, но и тысячам, десяткам тысячам, подобных мне сирот... До сих пор помню, и очевидно, на всю жизнь не забуду то радостное время, что я провел в детдоме, в деревне Княр. В 1925 году я закончил семилетку в Арском детдоме и поехал учиться в Казань, в индустриальный техникум, где учился Сергей Миронович Киров. Не скрою, знания нам доставались с очень большим трудом: приходилось работать на строительствах. Вот в эти-то незабываемые годы я вступил в комсомол. Я чувствовал, что расту со всей своей страной. Наш техникум был преобразо-

ван в политехнический институт. С III курса техникума я перешел на II курс института. С 1930 года наш институт стал называться химико-технологическим институтом им. С. М. Кирова.

В 1932 году я окончил этот институт с дипломом первой степени и был зачислен в аспирантуру. Прошло три года, я стал ассистентом, а впоследствии доцентом технологического факультета. В 1940 году защитил кандидатскую диссертацию.

С каждым днем перспективы моей дальнейшей жизни раскрывались все шире и увлекательнее. Мои статьи часто печатались в казанском журнале „Техника“, издававшемся на татарском языке, потом я выпустил отдельную книгу по одному из вопросов своей специальности. Я читал в институте лекции и руководил дипломными работами студентов. Был избран депутатом в Казанский Горсовет. Вот, вкратце — моя автобиография в довоенный период. В тяжелые для Родины годы я сменил перо и приборы на оружие, кафедру — на

поле брани. На фронте я с новой силой ощутил чувство любви к Родине, к своему народу. Под непобедимыми знаменами нашей славной армии я прошел Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию и дошел до логова фашистского зверя — Германии. В сентябре 1945 года я демобилизовался и, вернувшись в Казань, снова занялся научной работой. В настоящее время я заведую технологической кафедрой, организованной покойным доктором технических наук Борисом Леонтьевичем Кондрацким. Одновременно работаю ответственным секретарем Обкома профсоюза работников Высшей школы и научных учреждений.

Разрешите мне похвалиться детьми. Они напоминают мне расцветающие цветы. Старшая — Гюлейзар — учится на II курсе Медицинского института, средняя — в 9 классе школы, самый младший мой сын Валерий, которого я взял на воспитание из детдома, учится во 2 классе.

Наш народ хочет мира во всем мире. Но я, будучи отцом троих детей, говорю: никакие атомные бомбы не смогут свернуть нас с нашего пути, пути к коммунизму. Чтобы ни случилось, мы сумеем защитить себя, свою страну и все демократические, миролюбивые народы...

Последние слова Тагиров произнес торжественным голосом, как клятву. Раздался гром аплодисментов. Юноша-гость спросил у Джаудата:

— Все говорят о химиках. Почему же о механическом факультете ни слова?

Повернувшись к нему Джаудат ответил:

— Дело в том, что механический факультет организован лишь в начале войны. Инженеров-механиков институт выпускает только лет 5 — 6. Сейчас этому делу уделяется очень большое внимание. Большинство оканчивающих аспирантуру в этом году — механики. Есть уже и кандидаты технических наук. Вот, например, не так давно за-

щитил кандидатскую диссертацию Усманов... Подождите, председатель что-то хочет сказать.

Яркое, заражающее бодростью выступление Тагирова увлекло аудиторию. Присутствующие делились впечатлениями, и председателю стоило больших трудов установить в зале тишину.

— Слово предоставляется ассистенту кафедры теплотехники, кандидату технических наук товарищу Усманову, — объявил он.

Сидевший по правую руку Джаудата Усманов быстро встал, и, обратившись к гостям, сказал:

— Простите, что я вынужден покинуть вас. Постараюсь ответить на ваш вопрос с трибуны.

Через минуту Усманов начал свое выступление.

Перевод Б. Аитова.

Ответ. редактор *Н. Козлова*
Техн. редактор *И. Зайнуллин*
Корректор *Л. Козлова*

Подписано к печати 26-XI—47. ПФ 09494. Заказ 0311.
Тираж 10.000.

Типография Татполиграфа при Управлении издательств и
полиграфии. Казань ул. Миславского, д. 9.

Цена 50 коп.